

Часть 1

Позор рода

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Очертания фамильного замка рода Квинси медленно проступали через плотный туман по мере того, как карета, запряженная печальной гнедой лошадкой, отчаянно скрипя и громокая, поднималась все выше и выше по крутому горному серпантину.

Я высунула голову в окно, с замиранием сердца наблюдая за тем, как через влажную белесую пелену прорисовываются высокие неприступные стены, сложенные из мшистых серых камней, и угрюмые башни с крохотными окошками-бойницами. По коже пробежал привычный холодок, и я плотнее запахнулась в предусмотрительно вытасченное из багажа пальто, подбитое мехом.

В долине, которую я покинула всего пару часов назад, царил весенний пригожий полдень. На голубом небе не было ни облачка, солнце не просто грело — жарило во всю силу, а в лесной чаще беззаботно пересвистывались птицы. Но тут я словно попала во владения вечной поздней осени. Наверное, солнечного света эти земли не видели сотни лет. Темные дождевые облака висели так низко, что казалось, протяни руку — и дотронешься до их мягких подбрюший.

Резкий порыв ветра ударил мне в лицо, и я поторопилась закрыть окно. Откинулась на спинку сиденья, сиюсь совладать со взбунтовавшими нервами.

Все в порядке, Ивори. Все хорошо. Ты едешь домой.

Но это не помогло. Я прекрасно понимала, что в действительности мои дела обстоят хуже некуда. Три года я не была здесь. Будь моя воля — никогда бы не вернулась. Но, увы, обстоятельства складываются таким образом, что иного пути у меня нет.

Больше в окно я не смотрела. Я и без того чувствовала, как неумолимо приближается замок. То место, которое я так часто вижу в самых страшных своих кошмарах. Истинная обитель рода, в котором испокон веков рождались только темные ведьмы.

Правда, на мне, старшей дочери герцогини Кейтлин Квинси, почему-то случилась осечка.

Достаточно скоро карета натуженно заскрежетала, преодолевая последний, наиболее крутой подъем, в конце которого высились подъездные ворота. Видимо, о моем приезде были осведомлены, потому как вопреки обыкновению они оказались распахнуты настежь. А впрочем, ничего удивительного. Моя мать сама отправила мне требование в кратчайший срок предстать перед нею. Что, вообще-то, было очень странно, потому как три года назад именно она и повелела мне навсегда убираться из замка. При этом добавила, что будет несказанно рада, если больше никогда в жизни не увидит меня.

В любое другое время я бы проигнорировала письмо герцогини. Но... А впрочем, это отдельная и очень долгая история.

Спустя еще несколько минут карета в очередной раз издала душераздирающий скрип давно не смазанных рессор и остановилась. Мгновенно мое сердце бухнулось куда-то в пятки. Прочно обосновалось там.

— Леди? — раздался снаружи окрик кучера. — Мы приехали.

«Гони обратно!»

В последний момент я прикусила язык, не позволив испуганному восклицанию сорваться с него. Немного помедлила — и решительно распахнула дверцу.

Как и следовало ожидать, никто из слуг и не подумал помочь беглой дочке хозяйки, с позором вернувшейся после долгой отлучки. Хорошо, что кучер был настолько любезен, что донес мой багаж до высокого каменного крыльца, хотя было видно, что он трусит — с такой нескрываемой опаской нервно глазел по сторонам, готовый в любой момент задать стрекача.

— Всего доброго, леди, — выпалил кучер, поставив багаж на первую же ступень крыльца. Протянул руку, и я вложила в его ладонь серебряный, пытаюсь не выдать при этом своих чувств.

Потому что это была последняя моя монета. В прямом смысле слова — последняя. Я даже на постоялом дворе вчера не стала ужинать, потому как понимала, что в противном случае не сумею заплатить за дорогу сюда.

— Спасибо. — Кучер глубоко поклонился. Выпрямился и хотел было что-то сказать, но в этот момент тяжелая дубовая дверь замка начала приоткрываться. Добродушный пожилой мужчина в мгновение ока переменялся в лице и стремглав кинулся обратно к карете, громяхая сапогами.

Лошадь жалобно заржала, получив удар кнутом. И спустя неполную минуту карета уже катила прочь.

Я невольно усмехнулась. Видно, что в здешних краях еще боятся и уважают род Квинси. Хотя, конечно, по сравнению с прежними временами это лишь крохи былого почета.

— Леди Квинси? — Из замка меж тем величественно выступил древний дворецкий. Сгорбленный старик, тяжело опирающийся на массивную трость с серебряным набалдашником, подковылял к началу ступеней. Подслеповато прищурился, вглядываясь в меня.

— Добрый день, Баксли, — вежливо поздоровалась я.

— О, это и впрямь вы, леди! — искренне обрадовался старик. — Позвольте я провожу вас в ваши покои. Там вы сможете отдохнуть после дороги и умыться. Герцогиня просила передать вам, что встретится с вами после ужина.

После чего с отважной решимостью шагнул вперед с явным намерением взять мои сумки. Правда, при этом его трость подломилась, сорвавшись с края покато́й ступени, и он лишь чудом не упал.

— Баксли, осторожнее! — взволнованно вскрикнула я. Подалась вперед и подхватила старика под локоть, помогая удержаться на ногах.

Дворецкий с неожиданной силой уцепился за мою руку, видимо всерьез испугавшись. Я со свистом втянула в себя воздух — и он тут же ослабил хватку, виновато улыбнувшись.

— Простите, леди Квинси, — пробормотал он смущенно. — Надеюсь, я не причинил вам боли?

— Все в порядке, — поторопилась я заверить дворецкого. — Баксли, я сама отнесу свои вещи, не переживай.

— Но... — запротестовал он.

— Баксли, честное слово, я справлюсь, — мягко, но решительно перебила я старика. — Поверь, ничего тяжелого в моих сумках нет.

Дворецкий робко улыбнулся. А затем вдруг смущенно потупился, пытаясь скрыть, как на его глазах блеснули растроганные слезы.

— В таком случае, следуйте за мной, леди, — дрогнувшим голосом проговорил он.

И я последовала его распоряжению, сделав мысленную отметку о том, что, по всей видимости, дела моей семьи обстоят намного хуже, чем мне представлялось ранее.

Когда я уезжала отсюда три года назад, хозяйство уже приходило в упадок. Да, мой род был одним из древней-

ших в Озранде. Два века назад власть герцогов Квинси, точнее сказать, герцогинь, поскольку титул в моей семье, как и магический дар, вопреки всем правилам передавался только по женской линии, была практически безграничной. Исконная территория моего рода занимала всю западную гористую оконечность Озранда, вплотную примыкающую к соседнему Авильону. Но род Квинси никогда не опускался до таких низменных занятий, как торговля с другими странами. Полезными ископаемыми наша земля тоже была обделена. Высокое положение в стране герцогини занимали исключительно благодаря колдовским способностям. В те смутные времена с противниками чаще всего разбирались самым решительным образом. Как говорится, нет человека — нет проблемы. Но яды и оружие — слишком сомнительный способ устранения неугодного, часто дающий осечку. Тогда как магия всегда позволяет добиться желаемого. От проклятия не спасут самые искусные доспехи и самая преданная охрана. Даже король предпочитал не ссориться с нашим родом, снизив ежегодные обязательные подати до смешнейшего минимума. Благосклонность герцогинь покупали золотом и драгоценными камнями, замок бурлил от постоянных гостей. Кто-то приезжал просить защиты, кто-то украдкой договаривался о союзничестве и устранении противников.

Все изменилось, когда на престол взошел король Эдуард Первый. Именно он основал магическую академию в столице королевства — Родбурге. И именно при нем был разработан кодекс, по которому носители темного дара обязаны были принести личную присягу верности королевской власти. Или же отправиться в изгнание за пределы страны со строжайшим запретом пересекать ее границы. Помимо этого был составлен реестр темных магов, которые два раза в год должны были являться на

унизительную процедуру замера уровня силы. И создан магический контроль, занявшийся расследованием всех преступлений, совершенных с применением чар.

Легенды говорят, что, когда в наш замок явился королевский гонец с предписанием тогдашней герцогине Квинси, которая была моей прабабушкой, немедленно явиться в Родбург и пройти проверку потенциала, ярость последней была настолько велика, что ближайший городок Трирон едва не оказался стертым с лица земли в результате мощного землетрясения. Естественно, стерпеть подобное унижение герцогиня Джетта была не в силах. На бедняге гонце опробовали проклятие иссушения, в результате чего несчастный в мгновение ока превратился в мумию. Ну а сама Джетта возглавила заговор против Эдуарда.

Правда, не учла, что к тому моменту король заручился поддержкой очень многих светлых магов, которым власть рода Квинси была уже поперек горла. И ровно через месяц после этого герцогиня угодила на костер.

Ее дочь, соответственно мою бабушку, которой в тот момент исполнилось только пять, однако, пощадили. Перепуганную девочку заставили присутствовать на казни матери. Потом заставили принести клятву верности его величеству. Но наш род в итоге все равно угодил в длительную опалу, в одночасье лишившись всех своих привилегий. Моим предкам даже пришлось смириться с тем, что первые несколько лет после гибели герцогини Джетты представители магического контроля присутствовали в нашем замке постоянно. Потом надзор слегка ослабили. Однако до нынешних времен мои родственники вынуждены принимать в замке мага-ревизора, который должен засвидетельствовать, что ни у кого из Квинси уровень сил не изменился. Потому как резкое уменьшение потенциала, как известно, говорит о создании запрещенных кодексом чар.

Я трянула головой, отвлекшись от невеселых раздумий. Подхватила сумки и отправилась вслед за Баксли, привычно сохраняя гордую осанку.

Дробь моих каблучков гулким эхом заметалась между стенами просторного холла, через арку которого виднелась пустынная гостиная. Мой взгляд волей-неволей выхватывал все новые и новые признаки упадка. Толстый слой пыли на книжных полках и полах, которые явно давным-давно не протирали. Мутные разводы на невымытых окнах. Потускневший хрусталь люстр. Неужели в замке больше не осталось слуг, кроме старины Баксли? В таком случае дела и впрямь обстоят хуже некуда. При всем своем воображении я не могла представить, что моя мать, герцогиня Кейтлин Квинси, самостоятельно переодевается или принимает ванну.

— Баксли, кто живет в замке? — спросила я дворецкого, принаравливаясь к его медленным тяжелым шагам. — Ну, кроме тебя и моей матери?

— Ваша младшая сестра Этель, — с готовностью проговорил старик. — Изабель, которая ведает кухней. Джойс — садовник. И... — он сдвинул кустистые брови и замолчал, не в силах назвать более ни одного имени. Затем растерянно протянул: — Наверное, все.

Я понятливо хмыкнула. Изабель и Джойс, стало быть. По-моему, они всего на несколько лет младше Баксли. Неудивительно, что эта троица осталась служить нашей семье. В столь преклонные годы очень тяжело найти новое место работы.

Тем временем мы неторопливо миновали холл и подошли к лестнице, ведущей на верхние этажи. Баксли аж переменялся в лице, видимо представив мучительно долгий подъем.

— Не провожай меня, — милостиво обронила я. — Как я понимаю, мне подготовили мою детскую спальню? В таком случае я не заблужусь.

— Спасибо, леди. — Баксли с приглушенным криканием согнулся в поклоне. Потом с болезненной гримасой распрямился и встревоженно проговорил: — Простите, леди, но последняя служанка взяла расчет на днях. Боюсь, что некому будет помочь разобрать ваши вещи.

— Я справлюсь, — с легкой усмешкой обронила я.

И принялась подниматься.

На втором этаже царило такое же запустение, как и на первом. В воздухе ощутимо пахло плесенью. И я недовольно сдвинула брови. Плохой признак.

Всем прекрасно известно, что для каждого вида чар есть свое самое энергетически выгодное время суток, когда проще всего замкнуть контур и легче всего удерживать его потом. Недаром все ритуалы некромантии проводятся ночью. И не потому, что мертвые днем не откликнутся на магический призыв. Если правильно позвать — то с превеликой радостью вступят в разговор даже в самый жаркий и солнечный полдень. Просто докричаться до них будет несравненно тяжелее. И еще сложнее стабилизировать круг призыва.

Это же утверждение справедливо и для места, где осуществляется колдовство. Для той же некромантии нет ничего лучше, чем ритуал на кладбище, потому как именно там тоньше всего грань между двумя мирами. Да и вообще, мало кто будет спорить о том, что темной магией легче всего заниматься во влажных сумеречных местах. Солнечные лучи и сухой воздух разрушают энергетическое плетение большинства проклятий. Не сразу, конечно, но со временем точно. Потому, собственно, мои предки и поселились здесь. Хотя многие считают, что вечные туманы окутали замок рода Квинси уже после того, как его хозяйки начали колдовать.

В общем, я привыкла к тому, что в здешних коридорах всегда царил прохладный влажный сумрак. Конечно, это

идеальные условия для появления плесени. Однако дело в том, что как раз она и не выносит ни малейшего проявления магии.

Получается, моя мать слишком давно не колдовала. Любопытно почему? Естественно, я не имею в виду какие-нибудь смертельные чары, за которые любую ведьму мгновенно отправят на костер. Про нас и говорить нечего. Недаром мне с самых юных лет вдалбливали, что там, где обычная ведьма получит лишь строгое предписание или же крупный штраф, представительницу рода Квинси просто приговорят к смерти. Сто лет — это слишком маленький срок, чтобы забыли про мятежную герцогиню, пытавшуюся свергнуть короля. И в любом случае использование мелкого бытового колдовства в запрет не входило. Мать, конечно, частенько ворчала, что негоже герцогине тратить магическую силу на травлю тараканов и крыс. Однако не отказывалась, когда Изабель являлась к ней на поклон.

Мучимая дурными предчувствиями, я подошла к своей комнате, в которой провела, считай, все детство. Без всякого преувеличения — худшие годы в своей жизни. Тут меня поджидал очередной неприятный сюрприз. Дверь настолько перекосило, что мне пришлось налечь на нее всей тяжестью своего тела. Да и то после долгого сражения с заклинившими от сырости петлями открыть ее удалось лишь наполовину.

Внутри, вопреки моим самым дурным ожиданиям, действительно было убрано. Помнится, когда я уезжала из замка три года назад, то оставила жуткий беспорядок. В гневе переколотила всю коллекцию фарфоровых статуэток, которые собирала с самого раннего детства. Изорвала платья, подаренные матерью. Даже тяжелое дубовое кресло умудрилась расколотить в порыве гнева. Еще бы! Далеко не каждый день слышишь, что являешься позором семьи. Зная характер матери, я бы не удивилась,

если бы она приказала оставить все в таком же виде. Но нет. В комнате не было ни следа моей тогдашней вспышки ярости.

Сердце невольно защемило от странного чувства, более похожего на ностальгию. Надо же. Мне почему-то казалось, что моя спальня была гораздо больше. А теперь я видела перед собой тесную комнатушку, в которую поместились лишь узкая односпальная кровать, трюмо с новым креслом перед ним и гардеробный шкаф.

Быстро разложив свой нехитрый скарб по полкам, я отправилась в ванную комнату, примыкающую к моей спальне. С некоторой опаской повернула вентиль, покрытый оранжевыми пятнами ржавчины. В трубах гулко зарычало пробуждающееся заклинание. Шумело так долго, что я почти потеряла надежду. Но наконец, через несколько минут, кран выплюнул тонкую струйку едва теплой воды.

Огненное заклятие явно слишком давно не обновляли. Неужели мать серьезно больна? Уж на такую-то малость ее колдовских сил точно должно было хватить.

Умывшись, после коротких раздумий я все-таки сменила темное дорожное платье, чей строгий фасон слегка оживлял белый кружевной воротник, на наряд из темно-синего бархата. Пожалуй, единственное более-менее приличное из моего гардероба. Затем я взяла в руки расческу и уныло посмотрелась в зеркало.

Оно послушно отразило бледную от усталости и слегка встрепанную светловолосую девушку двадцати с небольшим лет.

«Позор семьи!» — опять зазвучало в ушах.

Удивительно, но даже в гневе герцогиня Кейтлин Квинси говорила тихо и внятно, никогда не позволяя срываться себе на вульгарный крик. И чем тише был голос матери, тем более серьезные проблемы это обещало провинившемуся.

При нашем последнем разговоре она почти шептала. Однако от каждого слова я вздрагивала, словно от удара наотмашь.

«Посмотри на себя! Разве ты прирожденная Квинси? Ты совершенно не нашей породы! Уродка, да и только. Жаль, что твоей отец не позволил мне придушить тебя в колыбели, как я хотела. Сразу было понятно, что толка от тебя никакого не будет».

На глаза невольно навернулись злые слезы обиды. Удивительно. Три года прошло с того момента, а помню все оскорбления матери до последнего слова. Да, ее негодование можно было понять. Я — ее старшая дочь. Та, которая должна была унаследовать силу рода Квинси. А в итоге не получила ничего.

Увы, я была совершенно непохожа на мать. Она — высокая статная брюнетка с такими черными волосами, что они отливали в синеву, и темно-карими глазами. И я — блондинка с прозрачными голубыми глазами. Невысокая, худенькая, с очень светлой кожей. Но внешность — это еще полбеды. Куда большая проблема заключалась в том, что у меня не было темного дара. Ни капли, ни проблеска. Более того, я умудрилась родиться в самой знаменитой семье потомственных ведьм с сильнейшим даром эмпатии. Более жестокой и глупой шутки судьбы и не придумаешь. Темные ведьмы на то и темные, что эмоции чаще всего они испытывают самые что ни на есть негативные. Да, мать прекрасно владела собой. Никогда не срывалась на слуг. Невозмутимая, совершенная в своей холодной красоте. Вот только я всегда чувствовала, какая ненависть ко всему миру клубится в ее душе. Чувствовала ее досаду, когда пыталась выклянчить ласку, чувствовала откровенную брезгливость, когда она украдкой разглядывала меня, думая, что я ничего не вижу.

Я была настолько безнадежна в плане магии, что даже королевский ревизор тратил на проверку моего потен-